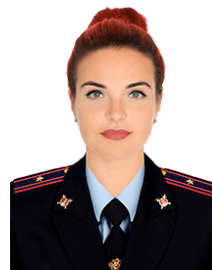

Марина Александровна ГАЛИМОВА,
начальник научно-исследовательского и редакционно-
издательского отдела Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск); доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск), кандидат юридических наук, доцент
marina_bestujeva@mail.ru

Алина Олеговна АСТАХОВА,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук
ao_astakhova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ISSUES OF THE INTEGRATION OF CONCILIATION PROCEDURES WITH PARTICIPATION OF A MEDIATOR INTO CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

В статье авторы аргументируют необходимость детальной проработки законодательных изменений, направленных на расширение сферы действия уголовно-процессуального института примирения сторон, в том числе с участием посредника. В настоящий момент все представляемые проекты оставляют открытым вопрос относительно взаимодействия ставшего традиционным и эффективно используемого правоприменителем вида уголовно-процессуального примирения – прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) и вновь вводимых примирительных процедур.

In the article, the authors argue the need for a detailed study of legislative changes aimed at expanding the scope of the criminal procedure institution for reconciliation of the parties, including the participation of a mediator. At present, all submitted projects leave open the issue regarding the interaction of the type of criminal procedural reconciliation that has become traditional and effectively used by the law enforcer - the termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties (Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and the newly introduced conciliation procedures.

Ключевые слова: примирение, потерпевший, примирительное соглашение, примиритель, прекращение уголовного дела.

Keywords: reconciliation, victim, conciliation agreement, reconciler, termination of a criminal case.

Институт примирения сторон в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России представлен двумя видами: производством по делам частного обвинения (ст. 20, 318, 319 УПК РФ) и пре-

кращением уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Оба этих вида исторически обусловлены для уголовного судопроизводства России, стали достаточно традиционными. Они имеют сходную

правовую природу, но различаются по ряду признаков и достаточно автономны в сфере реализации [подр.: 5, с. 15-17].

Рассмотрим подробнее относительно новый вид уголовно-процессуального примирения – прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ)¹. Данный вид примирения достаточно молод, но уже можно говорить о правоприменительном «юбилее», его «возраст» насчитывает 25 лет – он действует с 1 января 1997 г. Нормативной основой уголовно-правового элемента служит ст. 76 УК РФ, процессуального элемента – являлась ст. 9 УПК РСФСР (в редакции Федерального закона от 21 декабря 1996 г. N 160-ФЗ), а ныне – уже указанная статья УПК РФ.

Напомним, что ст. 25 УПК РФ совместно со ст. 76 УК РФ содержат ряд обстоятельств, выполнение (соблюдение) которых необходимо для принятия решения об освобождении подозреваемого (обвиняемого) от уголовной ответственности и его процессуального оформления в виде прекращения уголовного дела (уголовного преследования):

- преступление относится к категориям небольшой и средней тяжести;
- преступление совершено подозреваемым (обвиняемым) впервые;
- потерпевший и подозреваемый (обвиняемый) примирились;
- подозреваемый (обвиняемый) загладил вред, причиненный преступлением, потерпевшему;
- имеется заявление потерпевшего (его законного представителя) о прекращении уголовного дела;
- подозреваемый (обвиняемый) согласен на прекращение уголовного дела;
- имеется согласие руководителя следственного органа (для следователя) или прокурора (для дознавателя) на прекращение уголовного дела.

Здесь необходимо отметить, что под примирением сторон (в уголовно-процессуаль-

ном смысле) следует понимать достижение взаимной договоренности между сторонами (потерпевшим и лицом, совершившим преступление) относительно отсутствия претензий друг к другу по поводу совершенного деяния. Потерпевший отказывается от первоначального требования о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности в ответ на его позитивное посткриминальное поведение, адресно направленное потерпевшему (заглаживание причиненного вреда).

По мнению Конституционного Суда РФ, «примирение сторон предполагает своим необходимым условием в буквальном смысле достижение или наступление между подозреваемым, обвиняемым и потерпевшим такого мирного состояния, которое знаменует отказ от продолжения конфликта в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном его течении с решением сторон считать его в этом отношении исчерпанным»².

При этом примирение в уголовно-процессуальном смысле не означает прощение, полное восстановление мирных «допреступных» взаимоотношений между сторонами. В данном вопросе авторы категорически не согласны с исследователями, утверждающими, что «для того, чтобы примирение произошло, а именно чтобы суд увидел добровольность и осознанность, необходимо, во-первых, чтобы подозреваемый или обвиняемый признал свою вину и загладил причиненный вред (моральный, материальный), а во-вторых, чтобы потерпевший простил виновное лицо» [4, с. 27].

По нашему мнению, согласие подозреваемого (обвиняемого) участвовать в примирении сторон, а также совершение им действий, направленных на заглаживание причиненного вреда, не свидетельствуют о признании им своей вины и не являются доказательством его виновности в совершении преступления. Уголовно-процессуальный закон уже реализует ситуацию, когда согласие с предъявлен-

1 Здесь и далее мы будем использовать понятия «прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» и «примирение сторон» как синонимичные понятия. При этом примирение сторон рассматривается в «узком» смысле – как вид примирения, регламентированный ст. 25 УПК РФ.

2 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Ю.Н. на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 N 188-О // СПС «КонсультантПлюс».

ным обвинением при особом порядке судебного разбирательства не означает полного или частичного признания себя виновным (гл. 40 УПК РФ).

Мотивы примирения для обеих сторон могут быть различными (для потерпевшего – стремление восстановить родственные отношения, уменьшить время участия в производстве по уголовному делу, материальные ожидания; для обвиняемого, подозреваемого – смягчение негативных последствий для себя, восстановление родственных отношений и т.п.), но неотъемлемым условием является добровольность и действительность примирения. Мнимым примирением в данном случае следует считать соглашение между сторонами, достигнутое под влиянием запугивания, обмана, угроз, заблуждения относительно связанных с ними существенных обстоятельств, при недобросовестном поведении подозреваемого, обвиняемого.

За прошедшие четверть века институт примирения сторон получил заслуженную оценку правоприменителя, он активно используется как в досудебном производстве, так и в суде¹.

Действующий институт примирения сторон имеет глубокую социально-правовую направленность – он является выражением диспозитивности в уголовном судопроизводстве, служит определенным механизмом разрешения уголовно-правового конфликта путем

реализации идеи компромисса в уголовном законодательстве, способствует повышению эффективности уголовного процесса, обеспечивая в ряде случаев достижение оптимального результата при минимальной затрате сил субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

В настоящее время едва ли не первоочередной задачей является системное, планомерное встраивание вновь вводимых (либо изменяемых) институтов в систему действующего правового регулирования, их интеграция в уголовный процесс.

Не секрет, что изменения и дополнения, вносимые в УПК РФ в течение всего периода его действия, в большинстве своем лишены логичности, системности и продуманности [1, с. 90-97; 2, с. 15-19; 3, с. 19-25], в связи с чем очень важно четко продумать роль и место вновь вводимых элементов, средств и методов реализации примирительных посреднических процедур.

Сегодня медиация в судопроизводстве России существует в качестве посреднических услуг для достижения примирения сторон правового конфликта в сфере административных, семейных, жилищных, земельных, трудовых, обязательственных, наследственных отношений. В прошедшем десятилетии существенным образом была укреплена нормативная база медиации².

1 Анализ судебной статистики свидетельствует, что около двух третей уголовных дел из числа прекращенных по нереабилитирующим основаниям прекращаются в связи с примирением сторон («Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел (по годам). URL: www.cdep.ru). На стадии предварительного расследования решение о прекращении уголовного дела ввиду примирения сторон имеет место несколько реже, потенциал реализации примирения ограничивался различными причинами как объективного, так и субъективного характера. В настоящее время имеет место устойчивая положительная тенденция – в среднем около половины уголовных дел, прекращаемых в досудебном производстве, прекращаются по основаниям ст. 25 УПК РФ (Форма 1-Е (120). Сведения о следственной работе и дознании ОВД. Сводный отчет по России / ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»).

2 Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» создал правовые условия для развития в России альтернативных судебным (юрисдикционным) способов урегулирования правовых конфликтов при участии независимых лиц (медиаторов), определил сферы применения указанной процедуры, установил юридические последствия ее использования. В развитие посреднических формул Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлены новые примирительные процедуры при осуществлении судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, в том числе судебное примирение. Указанным законом внесены изменения и дополнения в Закон Российской Федерации от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 N 4462-1, федеральные законы от 14.03.2002 N 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», от 02.10.2007 N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ включены блоки (практически аналогичного содержания), где определены виды примирительных процедур, порядок и сроки их проведения, результаты примирительных процедур и др.

С середины прошлого десятилетия ученые активно включились в научный поиск приемлемых форм и методов медиации при производстве по уголовному делу.

Так, направление расширения сферы деятельности института медиации, его использование в сфере уголовного судопроизводства практически получило статус государственного задания¹. В 2016 г. в рамках деятельности межрегиональной общественной организацией «Центр «Судебно-правовая реформа» был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (авторы С.А. Пашин, Р.Р. Максудов). Указанный проект прошел апробацию и обсуждение с Минюстом России, советом судей Российской Федерации, различными общественными формированиями.

По итогам проведенной работы подготовлен новый законопроект и в конце 2019 г. направлен для обсуждения научной общественности России, в том числе в федеральные университеты России². В 2020 г. после учтенных замечаний данный проект рассматривался в рамках научно-представительских мероприятий и вновь подвергся критике.

Это послужило поводом для разработки проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения»³ (далее – Проект), который прошел апробацию в рамках Всероссийского

круглого стола с международным участием, организованного Северо-Западным филиалом ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» совместно с Верховным Судом РФ 22 апреля 2022 г. в г. Санкт-Петербурге. Целью круглого стола явилось обсуждение теоретико-практических проблем, связанных с более широким применением института примирения в уголовном судопроизводстве с учетом предложенных моделей изменения его правового регулирования. В ходе круглого стола обсуждались вопросы соотношения частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве, права потерпевшего отказаться от уголовного преследования, ответственности за вмешательство в процедуру примирения, содержания процедуры примирения, обеспечения ее проведения, содержания договора о примирении, процессуального положения примирителя и его участия в процедуре примирения, последствий неисполнения условий примирения и другие⁴.

Безусловно, необходимость представленных проектов, их теоретическое значение для выработки концепции уголовно-правовых примирительных процедур с участием посредника (медиатора, примирителя) трудно переоценить. Их актуальность не вызывает сомнения, отдельные моменты заслуживают поддержки и одобрения.

Интересна идея законодателя о том, что субъекты, ведущие процесс, по аналогии с защитой по назначению могут не только по инициативе сторон, но и по собственной инициативе поставить вопрос о примирительной

1 См., напр.: Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 N 1430-р; Перечень поручений Президента Российской Федерации от 06.10.2017 N Пр-2042.

2 Подготовлен рабочей группой в составе: эксперт Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ канд. юрид. наук С.А. Пашин, руководитель направления «Программы восстановительного правосудия по уголовным делам» Общественного центра «Судебно-правовая реформа» доцент Департамента дисциплин публичного права НИУ «Высшая школа экономики» канд. психол. наук Л.М. Карнозова, руководитель направления «Международное сотрудничество» Общественного центра «Судебно-правовая реформа» аспирант факультета права НИУ «Высшая школа экономики» О.П. Киселева.

3 Проект разработан кафедрой уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (руководитель коллектива – К.А. Корсаков, канд. юрид. наук, доцент) в рамках Студенческого научного проекта «Институт примирения в уголовном судопроизводстве», руководителями которого являются доценты кафедры канд. юрид. наук, доцент Т. В. Исакова и канд. юрид. наук, доцент К.А. Корсаков.

4 URL: <https://www.iuaj.net/node/3109>.

процедуре, пригласив на любой стадии производства реального примирителя, разъяснив участникам суть примирительной процедуры и предоставив время и возможность решить с примирителем вопрос – быть или не быть примирительной процедуре. Вместе с тем системный анализ проектов вызывает ряд вопросов и возражений. Например, относительно последнего из названных проектов следует обратить внимание на отдельные моменты как содержательного, так и технического характера. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, центральной фигурой, по сути дела, нового уголовно-процессуального производства становится такой незаинтересованный участник процесса, как примиритель (в законопроекте очень похожий на такого уже известного уголовному процессу участника, как специалист). По мнению разработчиков, примиритель – это лицо, прошедшее специальную подготовку, привлекаемое для организации и проведения примирительной процедуры в качестве независимого от сторон посредника в случаях, предусмотренных УПК РФ, он содействует в примирении, выработке его условий и составлении договора о примирении (ст. 58.1 Проекта). Сразу же возникают вопросы: где примиритель должен пройти эту специальную подготовку и какой документ будет подтверждать такую подготовку, кого привлекать в статусе примирителя, как оплачивать их труд?

На наш взгляд, возможно в компетенции органов Министерства юстиции РФ лицензировать такую подготовку примирителей, выдавать им сертификаты (свидетельства) государственного образца, вести реестр примирителей. В идеальном варианте в качестве примирителей необходимо привлекать лиц с высшим юридическим, педагогическим, психологическим образованием, социальных работников, а в приоритете – судьей в почетной отставке, находящимися на пенсии прокурорских и следственных работников, адвокатов (как, например, судебный примиритель в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2019 N 197-ФЗ).

Материальные расходы, связанные с процедурой примирения, согласно ч. 6

ст. 317.10 Проекта распределяются по соглашению сторон либо могут быть отнесены на судебные издержки. С учетом, как правило, низкой платежеспособности заинтересованных в примирении участников уголовного процесса оплату труда примирителей должно взять на себя государство (проблематично даже рассматривать вопрос о частно-государственном партнерстве, как в ситуации с возрождаемыми медвытрезвителями).

Во-вторых, в законопроекте необходимо более четко предусмотреть, что не все материалы уголовного дела представляются примирителю, а лишь те, которые важны для примирительной процедуры и не составляют предмета следственной тайны. Кроме того, следователь может составить для примирителя подробную справку-меморандум по делу, которая необходима для примирительной процедуры. В противном случае широкое (без конкретного ограничения) право примирителя на ознакомление с материалами может затруднить расследование по уголовному делу, особенно доказывание вины субъекта преступления.

В-третьих, вряд ли оправданным является использование таких явно «цивилистических» терминов, как «договор» (в контексте с примирительным документом как результатом примирительной процедуры), «мнимый договор».

На наш взгляд, более подходящим данной ситуации является термин не договор, а примирительное соглашение (УПК РФ уже использует понятие «соглашение о сотрудничестве», которое заключается на досудебной стадии между прокурором и подозреваемым, обвиняемым в порядке гл. 40.1 УПК РФ). Уголовно-процессуальный закон использует термин «договор», но лишь в контексте международного договора и в рамках осуществления международного сотрудничества. Примирительное соглашение в уголовном судопроизводстве по сути своей представляет систему взаимных уступок: потерпевший отказывается от уголовного преследования лица, совершившего деяние, в обмен на совокупность определенных действий, производимых этим лицом в целях примирения с потерпевшим и заглаживания ему вреда. Та-

ким образом, стороны устанавливают между собой определенные обязательства.

Можно и дальше продолжать этот список. Но что, по нашему мнению, является концептуальным и краеугольным, – это отсутствие синхронизации предлагаемых процедур с ныне действующим (и, как указывалось выше, достаточно эффективно действующим) институтом прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, сферы его распространения в части категории совершенных преступлений.

При обсуждении практически всех законопроектов рассматривались вопросы, касающиеся разграничения действия ст. 25 УПК РФ и вновь вводимых примирительных процедур. В связи с этим высказывались различные идеи, порой противоположные по смыслу: от расширения действия ст. 25 УПК РФ до ее полного упразднения¹. Разработчики Проекта предлагают ст. 25 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника подразделения органа дознания, на основании ходатайства о прекращении уголовного дела и договора о примирении, при отсутствии препятствий его удовлетворения, прекращает уголовное дело в отношении лица, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.».

С такой редакцией категорически нельзя согласиться – из буквального смысла следует, что, не расширяя сферу действия примирения сторон (относительно категории совершенного преступления), возможность реализации примирения дополняется такими обязательными элементами, как проведение примирительной процедуры и достижение (составление) договора о примирении. То есть, по сути, упраздняется существующий институт примирения сторон, а на смену ему приводится другой, более громоздкий,

продолжительный и запутанный. В результате достигнется обратный эффект, нежели заявленный разработчиками – «гуманизация уголовного судопроизводства, экономия уголовной репрессии и перераспределения высвобождающихся резервов на расследование и рассмотрение других уголовных дел» (пояснительная записка к Проекту).

В новейшей истории российского уголовного и уголовно-процессуального права достаточно много примеров, когда отменяемый по различным причинам какой-либо правовой институт через некоторое время вновь возвращался законодателем в сферу правового регулирования (конфискация имущества как мера наказания была вначале отменена, затем возвращена в урезанном и искаженном виде; институт административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, был отменен, в том числе по мотивам его «антидемократичности», затем возрожден как одно из важнейших средств профилактики рецидивной преступности).

Интересно отметить, что на постсоветском пространстве в законодательстве стран СНГ примирительные процедуры различными способами интегрированы в официальный уголовный процесс и достаточно эффективно действуют в целях наиболее быстрого и полного разрешения уголовно-правовых конфликтов с тем, чтобы права и интересы всех сторон конфликта были максимально удовлетворены. Государства используют различную технику включения примирительных процедур в систему уголовного судопроизводства.

Так, процедура медиации интегрирована в систему уголовного судопроизводства Республики Казахстан, служит дополнением к официальным мерам реагирования на преступление. Правовая основа медиации включает в себя нормативные акты общего порядка, которые относятся ко всем сферам применения медиации (Закон РК о медиации и Правила прохождения обучения по программам подготовки медиаторов), и специ-

¹ См.: Позиция Совета судей РФ по проекту федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Вестник «Прецеденты и позиции». 2016. N 5. С. 22.

альные – УК РК, УПК РК, нормативное постановление Верховного Суда РК от 21 июня 2001 г. N 4 «О судебной практике по применению ст. 68 УК РК».

В Республике Кыргызстан примирительные процедуры, в том числе с участием посредника (медиатора), интегрированы в систему уголовного судопроизводства Кыргызской Республики по отраслевому признаку. Правовой основой медиации являются нормы, включенные в УК КР, Кодекс КР о проступках и УПК КР.

Закрепление и использование медиации в уголовном процессе России, ее интеграция в уголовно-процессуальное законодательство имеет как сторонников, так и противников.

Так, Л.В. Головкин обращает внимание, что «уголовно-правовая медиация полностью выпала из поля зрения или даже считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса» [6, с. 127]. О.В. Лукьяновская отмечает, что «с одной стороны, к данной процедуре наблюдается повышенный интерес со стороны юридического сообщества, но, с другой стороны, нужно признать, что даже некоторыми правоведами, не говоря уже об обычных гражданах, медиация воспринимается как бесполезный механизм разрешения конфликтов» [9, с. 14-17]. По мнению К.М. Кожевникова, применение процедуры медиации по уголовным делам публичного характера не позволяет достичь целей уголовного наказания, «породит у виновного лица чувство безнаказанности и вседозволенности. Кроме того, в уголовном процессе сторонами выступает, с одной стороны, обвиняемый (подсудимый), а с другой – государство, в связи с чем возможность применения медиации в уголовном процессе ставится под сомнение» [8, с. 24].

Практически все исследователи едины в том, что для возможности и эффективного использования примирительных процедур

при производстве по уголовному делу необходима, в первую очередь, соответствующая нормативная основа. Относительно юридической техники закрепления правовой регламентации примирительных процедур можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой отмечают, что примирительные процедуры необходимо закрепить в отдельном нормативном правовом акте, «так как принятие отдельного самостоятельного закона поможет легитимизировать медиацию и повысить доверие к ней. Единый закон – это также возможность в полной мере в одном нормативном акте установить нормативную регламентацию всех вопросов, касающихся применения медиации»¹. К. Сесар считает: «Если восстановительная юстиция все же будет учреждена, ее не следует включать в систему уголовной юстиции. Опасность заключается в том, что инструментарий восстановительной юстиции не будет применяться или будет применяться главным образом в декоративных целях; либо же механизмы восстановительной юстиции будут превращены в карательные (что произошло со многими процедурами общественной службы). Лучшим выходом, несомненно, является учреждение автономной системы восстановительной юстиции» [10, с. 162-171]. По мнению И.Г. Смирновой, «медиация не должна регулироваться нормами УПК РФ, так как принципы медиации не всегда в полной мере корреспондируют уголовно-процессуальным принципам. Например, принцип презумпции невиновности: право подозреваемого, обвиняемого не признавать свою вину действует в течение всего производства по уголовному делу. Другое дело – медиация. Примирительное производство невозможно по определению, если правонарушитель не признает своей вины» [11].

Сторонники отраслевого законодательства предлагают закрепить примирительные процедуры в рамках уголовно-процессуального законодательства. В частности, уголовно-процессуальное закрепление требуют процессуальный статус медиатора, его права

¹ Еременко Г. Медиация в Украине: «за» и «против» // Юрист & Закон : информационно-политический портал. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/EA002546.html.

и обязанности, а также правовые условия и основания допуска медиатора к участию в уголовном деле, основания его отвода; формы взаимодействия медиатора с органом, ведущим уголовный процесс, равно как и с иными субъектами уголовного процесса; возможность использования результатов акта медиации в качестве доказательств; признание права инициативы медиации за органом, ведущим уголовный процесс, если это служит обеспечению законных прав и интересов участников процесса; определение круга возможных и обязательных участников медиации в уголовном процессе, процессуальной формы (решения) процедуры медиации, процессуальные сроки производства медиации [7, с. 22-30].

Третьи считают целесообразным установление межотраслевого института медиации, правовая основа которого будет содержаться как в специальном законодательстве (федеральный закон о медиации), так и в отраслевом – УПК РФ [12, с. 231-235].

Подводя итог, заметим, что развитие альтернатив уголовному преследованию путем расширения действия примирительных процедур, в том числе с участием посредника (примирителя), являются очевидным и общепризнанным трендом как международного, так и отечественного законодательства. Развитие предлагаемого института видится интересным и перспективным с учетом введение аналогичного института в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Бахта, А.С. Разрешение коллизий, возникающих в ходе применения норм уголовно-процессуального права / А.С. Бахта // Научный портал МВД России. – 2011. – N 11. – С. 90-97.
2. Божьев, В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – N 10. – С. 15-19.
3. Гаврилов, Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – N 1. – С. 19-25.
4. Гаврицкий, А.В. Возможности медиации в уголовном процессе / А.В. Гаврицкий, М.М. Коблева // Мировой судья. – 2019. – N 7. – С. 26-29.
5. Галимова, М.А. Примирительные процедуры в уголовном судопроизводстве : монография / М.А. Галимова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С.
6. Головкин, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л.В. Головкин // Закон. – 2009. – N 4. – С. 122-130.
7. Зорин, Р.Г. Тенденции и перспективы совершенствования механизма правового регулирования процедуры медиации в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации / Р.Г. Зорин, А.Г. Клименко, А.А. Шатликова // Евразийская адвокатура. – 2014. – N 2 (9). – С. 22-30.
8. Кожевников, К.М. К вопросу о применении медиации в уголовном процессе / К.М. Кожевников // Судебные известия. – Липецк. – 2017. Спецвыпуск. – С. 21-27.
9. Лукьяновская, О.В. Медиация в России: первые итоги и дальнейшие перспективы / О.В. Лукьяновская // Российский судья. – 2016. – N 3. – С. 14-17.
10. Сесар, К. Карательное отношение общества: Реальность и миф / К. Сесар // Правоведение. – 1998. – N 4. – С. 162-171.
11. Смирнова, И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова // Право. – URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/350/image/350-132.pdf>.
12. Чепрасова, Ю.В. Проблемы и перспективы внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство (на примере Липецкой области) / Ю.В. Чепрасова, Н.А. Шатурина // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – N 6. – С. 231-235.